

„Обобщенія Потебни нельзя повѣсить на любую вѣшалку: такъ крѣпка и очевидна была связь ихъ съ конкретнымъ содержаніемъ; она не доказывалась логическимъ умозаключеніемъ, не нуждалась въ немъ; усилій мысли никакихъ не требовалось, ибо конкретное давалось вперёдъ и намозоливало, по его выраженію, нашъ мозгъ. Эта связь являлась психической необходимостью, была естественнымъ результатомъ ритмическаго процесса мысли и строилась на аксіомѣ недоказуемой, аксіомѣ внутренней правды человѣческой. — Приводя цѣлыя груды примѣровъ, объединенныхъ общими положеніями или типичными образцами, по методу санскритскихъ грамматиковъ (этотъ приѣмъ онъ высоко ставилъ), Потебня всегда занималъ по отношенію къ нимъ положеніе посторонняго наблюдателя. Примѣры объяснялись примѣрами же. Въ тѣхъ случаяхъ, когда неоставало соответствующей иллюстраціи изъ памятниковъ или приходилось высказывать свою догадку или рѣшать спорный въ какомъ бы то ни было отношеніи вопросъ, онъ любилъ оговариваться, что можетъ быть и его мнѣніе ошибочно, что лѣса, которыми онъ окружилъ себя, не позволяютъ ему видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не допускаютъ другого пониманія. «У каждаго человѣка на носу свои очки, говоритъ нерѣдко покойный; у однихъ они лучше, у другихъ — хуже»... Онъ держался всегда на высотѣ объективнаго отношенія къ изслѣдуемымъ явленіямъ, не считалъ себя непогрѣшимымъ и вообще «смотрѣлъ, по Гетевскому выраженію, въ вѣка». — Увлекаясь анализомъ типичнаго заблужденія или какого нибудь характернаго оборота рѣчи, въ его отношеніи къ мысли, профессоръ нерѣдко прерывалъ чтеніе лекцій цѣлымъ рядомъ общихъ замѣчаній, связующихъ важное значеніе разсмотрѣнныхъ явленій. — Эти перерывы мы называли про себя «лирическими отступленіями». Въ нихъ всего ярче выражалось міросозерцаніе профессора, при чемъ онъ доходилъ до высшихъ философскихъ обобщеній. Приведу примѣръ. Читалъ отдѣлъ изъ того третьяго тома своихъ «Записокъ», который

теперь готовится къ печати, послѣ длиннаго перечня фактовъ, указывающихъ на увеличеніе противоположности между глаголомъ и именемъ, на усиленіе именного характера языка по направленію къ прошедшему и глагольного по направленію къ настоящему, на торжество глагольной отвлеченности надъ именною конкретностью, на постепенное вытѣсненіе т. наз. мнимыхъ субстанцій изъ рѣчи и мысли, Потебня подробно остановился на парныхъ именныхъ сочетаніяхъ и на безсубъектныхъ выраженіяхъ. Примѣры сыпались за примѣрами, другъ друга поясняющими. И вотъ тутъ то среди сухого анализа фактовъ появлялись общія замѣчанія, освѣщавшія длинную ихъ вереницу. — «Знанія имѣють формы, которыя зависятъ отъ формъ языка, образующихъ и образуемыхъ; таковы слово, предложеніе, часть рѣчи... Съ измѣненіемъ грамматическихъ разрядовъ измѣняются и разряды мысли. Возьмемъ самыя широкія обобщенія, какъ сила, вещь, субстанція, составляющія все содержаніе наукъ. *Вещь* — это совокупность (comprehensio) признаковъ, которую мы принуждены по необходимости разсматривать отдѣльно отъ другихъ вещей. Чувство единства объединяетъ эту множественность признаковъ, связь между которыми въ силу этого именно чувства — больше, чѣмъ съ другими комплексами признаковъ. *Силою* мы называемъ свойство вещи, которое познаемъ по отраженію его въ другихъ предметахъ или то, въ чемъ сказывается связь между данною вещью и другими вещами. Частное обнаруженіе силы есть дѣйствіе, страданіе или сила въ собственномъ смыслѣ; свойства же вещи, независимо отъ вліянія на другіе предметы, есть состояніе. *Субстанціей* вещи мы называемъ то въ ней, что далѣе не разложимо на силы, безусловно или временно, и что мы представляемъ себѣ первичнымъ носителемъ этихъ силъ. Такъ какъ всякое познаніе есть анализъ, разложеніе, то слѣдовательно познаваемы только силы, разложимое; но мы принуждены эти силы относить къ субстанціи; физики и химики — къ атомамъ, собирательное имя которыхъ —

вещество, матерія. Если же такою дробностью мысль не удовлетворяется, если совокупность силъ разсматривается какъ единица, міръ, и если мысль эту единицу, состоящую изъ силъ относить къ одной верховной субстанціи, дальше которой она не идетъ, то эту верховную субстанцію мы называемъ Богомъ; ибо нѣтъ силы безъ субстанціи, и наоборотъ. Субстанція и явленіе, вещество и сила, Богъ и міръ—все это такія же пары, какъ подлежащее и сказуемое, опредѣляемое и аттрибутъ. Выраженія: «Богъ создалъ міръ», «вещество источаетъ силу» и цѣлый рядъ подобныхъ имъ представляютъ точную копию выраженія — «я и мое дѣйствіе». Сама верховная субстанція на языкѣ человѣческомъ иначе не познается, какъ по образцу этого я. Антропоморфизмъ не есть первая проходящая ступень человѣческой мысли; онъ остается и на вершинахъ отвлеченія, отражаясь и въ высочайшихъ явленіяхъ духа. Другими словами, въ своемъ стремленіи познавать человѣкъ не можетъ иначе думать, чѣмъ по человѣчески.—Какъ себя мы познаемъ по своимъ дѣйствіямъ, такъ подлежащія: Богъ, вещество, субстанція познаваемы лишь настолько, насколько они замѣщаются своими сказуемыми—міръ, сила, явленія. Сами по себѣ эти подлежащія стоятъ за предѣлами знанія, трансцендентальны... Достойна умиленія наивность нѣкоторыхъ ученыхъ, что объектъ ихъ изслѣдованія — матерія, субстанція, сущность, которую они берутъ голыми руками. Это наивность дикаря! Никто не можетъ отказаться отъ своей природы, отъ формъ мысли, воспринятыхъ по традиціи. Мы не можемъ поэтому думать безъ субъекта и предиката, хотя такая человѣкообразность мысли подлежитъ измѣненію... Надъ этимъ измѣненіемъ работаютъ не только записные мыслители, но и безыменная масса народная, которую можно представить себѣ въ видѣ философа, работающаго тысячелѣтія.—Ходъ человѣческой мысли состоитъ изъ парныхъ толковъ, подобныхъ парнымъ ударамъ маятника; въ ея движеніи — постоянное чередованіе объясняемаго и объясняющаго,

вопроса и отвѣта, подлежащаго и сказуемаго, по образу и подобію которыхъ созданы и такія пары отвлеченій, какъ субстанція и сила. Наша мысль движется вѣчно въ категоріяхъ психическаго подлежащаго и сказуемаго, и въ этомъ ритмическомъ міровомъ процессѣ ея развитія постоянно измѣняются грамматическіе разряды, рядомъ съ философскими категоріями» . . . Такія лекціи были для насъ глубоко обдуманною проповѣдью о томъ, *откуда и куда мы идемъ*, какъ однажды замѣтилъ самъ Потебня въ концѣ одного изъ своихъ курсовъ. Отъ парныхъ атрибутивныхъ сочетаній мы переходили къ синтезу и анализу, поэзіи и наукѣ, и во всемъ намъ чудилось это грандіозное, волнообразное теченіе мысли человѣческой, во всемъ мы видѣли ритмъ, этотъ міровой, всеобщій элементъ. Научныя классификаціи, стройныя системы—все указывало на неизбѣжное присутствіе ритмической законмѣрности, которая отмѣчена Потебнею и въ процессѣ образованія понятій. Самъ Потебня никогда не высказывался опредѣленно о явленіяхъ психическаго ритма, но его лекціи давали прямое указаніе на нихъ. Намъ казалось, что вопросы о чистотѣ языка, о національности, обусловливающей стройное гармоническое развитіе мысли, замѣчанія его о вредномъ вліяніи изученія нѣсколькихъ языковъ за-разъ въ дѣтствѣ, находились въ тѣсной связи съ указаннымъ широкимъ обобщеніемъ. — Въ матеріалахъ, оставшихся послѣ покойнаго, найдется, несомнѣнно, много такихъ драгоценныхъ замѣтокъ, хотя напередъ можно сказать, что многое изъ того, что онъ говорилъ и думалъ, не заносилось имъ на бумагу. На лекціяхъ, въ домашнихъ бесѣдахъ на вечерахъ онъ высказывалъ часто замѣчательныя истины. Если бы возможно было собрать всѣ эти разговоры, то получилось бы нѣчто въ родѣ «Разговоровъ Гёте», записанныхъ Эккерманомъ, съ тою только разницею, что мысли Потебни объ искусствѣ, поэзіи, народности, нравственныхъ принципахъ были точнѣе, опредѣленнѣе, научнѣе

гётовскихъ“ ¹⁾. — „Потебня не любилъ читать общихъ курсовъ и при своемъ оставленіи на первое пятилѣтіе выговорилъ себѣ условіе читать предметы по своему выбору. Чтеніе общихъ курсовъ противорѣчило его взглядамъ на задачи университетскаго преподаванія, которое должно имѣть пропедевтическое значеніе... Тому, кто отъ его лекцій ждалъ матеріала для экзаменовъ или желалъ найти въ нихъ школьную науку и укрѣпиться въ знаніяхъ, необходимыхъ для будущаго элементарнаго преподаванія языка въ школѣ, курсы Потебни не могли нравиться. Приходившіе съ такими требованіями въ его аудиторію мало выносили изъ нея, не понимая, что профессоръ имѣлъ въ виду и эту цѣль, но избралъ для ея достиженія не то средство, какое обыкновенно употребляютъ.—Науку можно изучать лишь по частямъ, говорилъ профессоръ, я же на одной изъ такихъ частей покажу приемы, методъ, который можно приложить къ изученію цѣлаго. О методѣ А. А. никогда не разсуждалъ отдѣльно отъ изложенія, а показывалъ его примѣненіе на дѣлѣ, формулируя двумя-тремя словами и предупреждая о возможности ошибокъ. Не любилъ онъ и такіе наз. «новыхъ» методовъ, не находя смысла въ названіяхъ: методъ сравнительный, историческій, сравнительно-историческій, научный и т. п. въ ихъ обыденномъ пониманіи. Методы изслѣдованія — это приемы познанія, которые въ сущности извѣсны. Всякое познаніе предполагаетъ сравненіе, всякая наука — историческая, ибо основою познанія служитъ генезисъ предмета или явленія, выясненіе его причинъ и слѣдствій. Потебня сурово казнилъ высокомерное отношеніе къ прошлому науки, называя эту гордость «школы» холопскою. — Курсы Потебни имѣли важное пропедевтическое значеніе, причемъ эта пропедевтика относилась не только къ его предмету, но обнимала всю область искусства и науки, ибо чтенія профес-

¹⁾ Харціевъ, Л. с., стр. 123—6.

сора не стѣснялись опредѣленными рамками, а захватывали на пути все, что *важно*. Это, пожалуй, нарушало цѣльность содержанія курсовъ, систематичность ихъ, но зато расширяло умственный горизонтъ слушателей, углубляло ихъ міровоззрѣніе. — Я мало знаю о содержаніи и общемъ характерѣ курсовъ грамматики, читанныхъ Потебней въ предыдущіе годы, но въ послѣднее время эти курсы имѣли своимъ предметомъ исторію русской народной мысли, изучаемой на общеславянской и даже общеваріантской основѣ. Девизомъ всѣхъ этихъ курсовъ можно поставить изученіе жизни русскаго слова въ его значеніяхъ. Языкознаніе онъ понималъ въ высшемъ философскомъ смыслѣ, въ духѣ воззрѣній Вильгельма Гумбольдта. — Нѣкоторыхъ отдѣловъ русской грамматики, напр. фонетики, діалектологіи, морфологіи Потебня не читалъ въ послѣднее время, кажется, потому, что считалъ эти отдѣлы второстепенными въ языкознаніи. Но онъ съ любовью давалъ объясненія по вопросамъ изъ этихъ служебныхъ отдѣловъ языкознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его выраженію, необходимо было построить лѣса для пониманія внутренней жизни слова или выраженія. Это чаще всего случалось при чтеніи старинныхъ памятниковъ или когда студенты интересовались сами такими вопросами. Такъ однажды передъ экзаменомъ студенты обратились къ нему за совѣтомъ и указаніями, гдѣ можно найти необходимыя свѣдѣнія по русской діалектологіи. — Гурьбой отправились къ нему на квартиру и встрѣтили его выходящимъ изъ дому, вѣроятно для прогулки. Профессоръ воротился въ кабинетъ и часа два бесѣдоваль съ ними, стараясь познакомить ихъ съ общимъ ходомъ развитія русскихъ говоровъ. И такъ наглядно, такъ осязательно выступали передъ нами одна за другою особенности нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, съ ихъ развѣтвленіями, что мы какъ будто слышали говоръ многомилліонной массы, отъ береговъ Чернаго моря до Ледовитаго океана. Двумя рѣзкими чертами: усиленіемъ лабіализма по направленію къ сѣверу и

гортанности — къ югу, повидимому, истерпывалась вся характеристика русскихъ говоровъ. Но сколько жизни было въ этомъ изображеніи! — Другою причиною того, почему Потебня не читалъ курсовъ по звуковой исторіи исторіи русскаго языка, было его воззрѣніе на обязанности учителя и задачи преподаванія. Настоящій учитель долженъ учить тому, чѣмъ онъ самъ занимается, что онъ самъ считаетъ важнымъ. Потебня приходилъ въ аудиторію не для того, чтобы читать лекціи о томъ, чему онъ не придавалъ особаго значенія или что уже давно перестало его интересовать, но чтобы продолжать ту работу мысли, которою онъ былъ занятъ и въ своемъ кабинетѣ. А центръ тяжести занятій Потебни въ послѣднее время лежалъ въ наблюденіяхъ надъ процессомъ измѣненія значеній слова и смѣной грамматическихъ категорій или, что то же, категорій мысли. Даже въ такихъ, повидимому, специальныхъ курсахъ, какъ ученіе о глаголѣ, о видахъ и временахъ, А. А. находилъ случаи касаться вопросовъ историко-культурнаго характера, напр. о національных особенностяхъ русской мысли. Замѣчанія его были такъ характерны, что я не могу не привести ихъ здѣсь въ сжатомъ видѣ, по воспоминаніямъ. Говоря о глубокой разницѣ между стилями глагольныхъ образованій новыхъ и древнихъ языковъ, Потебня замѣтилъ, что переводъ невозможенъ безъ измѣненія смысла, ибо мысль, духъ сами по себѣ непередаваемы. Слово одного языка не тождественно слову другого языка, хотя бы они относились къ одному и тому же предмету или явленію. Языкъ, орудіе мысли, имѣетъ національный характеръ и безъ него немислимъ. Этого рода націонализмъ не заслуживаетъ осужденія. Онъ существуетъ въ поэзіи, философіи, въ наукѣ, хотя опредѣленіе его иногда весьма трудно, даже невозможно. Онъ не исключаетъ терпимости, а наоборотъ предполагаетъ ее, ибо признаніе своей національности есть признаніе національности и другихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи націонализмъ согласенъ съ евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Евангеліе

переведено на всѣ языки, но для каждаго народа оно по отѣнкамъ выраженія разное. Это различіе не противорѣчитъ однако духу евангелія. Божественныя истины не страдаютъ отъ переводовъ на разные языки, даже жаргоны. Общечеловѣческой истины нѣтъ. Если же мы иной разъ выдаемъ по ошибкѣ свою добытую національнымъ путемъ истину за общечеловѣческую, то это лишь значитъ, что мы выдаемъ желаніе за фактъ. Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе оно относится къ національному. Денаціонализація образованнаго человѣка не возможна, необразованнаго легче. Всякая попытка денаціонализаціи языка, въ родѣ напр. волапюка, представляетъ абсурдъ, философы становятся на дыбы изъ-за общечеловѣческой истины, называя извергами противниковъ общечеловѣческихъ идеаловъ; но если подъ идеаломъ понимать нѣчто хорошее, желанное, то идеалы—національны. Націонализмъ исключаетъ народную гордость или такое настроеніе, въ силу котораго евреи напр. увѣровали, что они призваны править міромъ. Націонализмъ проповѣдуемый языкознаніемъ не похожъ на націонализмъ насильственный, государственный. Языкознаніе учитъ: мысль прежде всего индивидуальна, затѣмъ она національна, поскольку мыслящій принадлежитъ къ той или другой націи и находится подъ воздѣйствіемъ сложившихся исторически условій. Бороться съ исторіей, во имя личнаго усмотрѣнія — бесплодно: конкурентъ слишкомъ силенъ! ¹⁾ — „Чтеніе старинныхъ памятниковъ было прямымъ дополненіемъ теоретическихъ курсовъ, съ которыми оно находилось въ тѣснѣйшей связи. Но объясняя тексты, профессоръ никогда не останавливался на однихъ только строго-грамматическихъ объясненіяхъ. Удачная фраза, мѣткій образъ, да наконецъ просто ошибка въ правописаніи, вызывали у него иногда цѣлый рядъ глубокомысленныхъ соображеній. Такъ напр. по поводу

¹⁾ В. Харціевъ, „Воспом. объ А. А. Потебнѣ“. (Въ „Слав. Обзорѣніи“ 1892 г., кн. 7—8, с. 364—6.

формъ: *идти* вмѣсто *ити* и т. п. онъ распространился какъ-то о засореніи нашего литературнаго языка, который имѣетъ въ своей фразеологіи много странныхъ или прямо невѣжественныхъ заимствованій то изъ французскаго, то изъ нѣмецкаго и другихъ языковъ, въ родѣ напр. такихъ выраженій, какъ «имѣть мѣсто» (*stats-haben*), «не въ своей тарелкѣ» (съ франц. *dans son assiette*) и т. п. Такъ какъ засореніе нашего литературнаго языка приняло большіе размѣры, то необходима радикальная чистка его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нужно круто повести это дѣло, ибо и прежніе новаторы дѣйствовали энергично. Полезно было бы собрать въ особую, небольшой книжкѣ всѣ эти перлы *quasi*-ученыхъ выраженій и представить ихъ въ наготѣ, освѣтивъ настоящимъ образомъ... Индифферентизмъ въ этомъ случаѣ не простителенъ“ ¹⁾.

Авторъ воспоминаній слушалъ два курса по теоріи словесности: а) объ отношеніи поэтическаго произведенія къ слову и б) о видахъ поэтической иносказательности, въ частности о тропахъ и фигурахъ. Такъ какъ основныя положенія перваго курса въ печатныхъ произведеніяхъ покойнаго профессора изложены, приведу лишь воспоминанія г. Харціева о второмъ курсѣ.

„Избѣгая туманнаго разграниченія троповъ и фигуръ, А. А. принималъ три основныхъ вида троповъ: метафору, метонимію и синекдоху. Параллельно съ этимъ, онъ выяснилъ два приѣма мышленія: поэтическій и миѳическій, какъ въ предыдущемъ курсѣ — поэтическій и научный (прозаическій). Миѳическая окраска мысли сгущается по направленію къ прошедшему и рѣдѣетъ съ ростомъ духовнаго просвѣщенія человѣчества, съ развитіемъ критики, тогда какъ возможность къ поэтическому мышленію, наоборотъ, усиливается по направленію къ настоящему. При миѳическомъ мышленіи, при томъ сос-

¹⁾ В. Харціевъ, Л. с., стр. 367—8.

тояніи, когда текуція впечатлѣнія заполняютъ все сознаніе, мысль ползетъ черепашѣмъ шагомъ и на простомъ сравненіи строить умозаключеніе (солнце — колесо, отсюда колесница etc.); при поэтическомъ же, когда мысль держится на вѣсу между образомъ и значеніемъ, между прежде познаннымъ и познаваемымъ, она движется громадными, захватывающими скачками. Мѣиѣ и поэзія въ формальномъ отношеніи — родственныя категоріи; исключеніе мѣиѣ изъ теоріи словесности безосновательно. Мѣиѣ это временная, обусловленная извѣстнымъ психическимъ состояніемъ форма поэзіи. Последняя отличается отъ него строгимъ различіемъ двухъ областей: познаваемого и того, что служитъ орудіемъ познанія. Держась на высотѣ синтеза, поэзія идетъ впереди науки, такъ какъ ея обобщенія шире обобщеній научныхъ, введенныхъ путемъ анализа; она прокладываетъ пути наукѣ. — Вслѣдъ за разборомъ элементовъ поэзіи, троповъ, А. А. всегда переходилъ къ сложнымъ формамъ поэтическихъ произведеній, представляющихъ тѣ же метафоры, синекдохи. Анализъ простыхъ и сложныхъ троповъ, въ ихъ прохожденіи сквозь призму поэтического, мѣиѣического и научнаго мышленія, приводилъ прямо къ теоріи познанія, когда дѣло шло объ умозаключеніи въ области метафоры, метониміи и пр. — Явленія поэзіи, какъ явленія языка вообще, ставились на міровую сцену и открывали въ освѣщеніи А. А. широкій горизонтъ мысли, упорно бьющейся въ оковахъ слова, которое измѣняется безъ устали съ теченіемъ народной жизни и мысли. Строго объективный методъ профессора производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто слушатель присутствовалъ въ этой мастерской человѣческаго духа, чудеснымъ образомъ принесенной въ скромную филологическую аудиторию. И мы видѣли, какъ могущественна сила слова, сила преданія, какое важное значеніе имѣетъ эта живая связь людей и поколѣній. — Да, великое дѣло языкъ и литература, думалось каждому изъ насъ. Мы знали теперь, что преданія, живущія въ словѣ, связываютъ

людей въ общества гораздо крѣпче, сильнѣе, чѣмъ единство религіи, единство политическое, экономическое и т. п.—Если собрать воедино то, что давали уроки А. А. въ нравственномъ отношеніи, то въ сердцахъ бывшихъ его слушателей прежде всего выдѣлялись двѣ большія человѣческія заповѣди: объ отношеніи къ прошлому и настоящему. Первое должно быть построено по формулѣ: «отцы и дѣти». Нагота отца не должна приводить насъ къ поступку Хама... А съ другой стороны строго-объективное изученіе прошлаго въ области языка и мысли вело слушателя къ убѣжденію, что все идетъ впередъ, развивается, крѣпнеть; что смутное предугадываніе законовъ проясняется новыми усиліями мысли; что даромъ ничто не дается: ни миѳъ, ни пѣсня, ни образцовое художественное произведеніе; что предразсудокъ и научное положеніе суть равно законные и неизбѣжные шаги мысли; что заблужденія отдѣльныхъ лицъ выравниваются въ общей работѣ мысли; что если плохи люди, велико человѣчество... Такъ безъ этическихъ поученій въ лекціяхъ А. А. Потебни всегда било свѣтлою струею жизненное начало, и это составляло главную заслугу дорогого учителя“ ¹⁾.

Вотъ какимъ остался незабвенный профессоръ въ памяти лицъ, слышавшихъ живое, бодрящее слово учителя въ послѣдніе годы его дѣятельности.—Не менѣе чарующее впечатлѣніе производилъ онъ и на своихъ «заочныхъ» слушателей, ученыхъ-спеціалистовъ, постигшихъ всю глубину, ширь и новизну великихъ идей Потебни. Къ сожалѣнію кругъ этихъ лицъ еще не великъ, да и не всѣ труды покойнаго получили надлежащую оцѣнку и освѣщеніе, хотя всѣ они тѣсно связаны между собою и идутъ къ рѣшенію одного коренного вопроса, исчерпывающаго все языкознаніе, — вопроса «объ отношеніи мысли къ слову».

¹⁾ В. Харціевъ, Л. с., стр. 274—5.

Раньше другихъ поняты были и оцѣнены труды грамматическіе. Еще въ 1876 году ¹⁾ Срезневскій обстоятельно разобралъ классическій трудъ Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (Ч. I—II. Вор. и Харьковъ 1874 г.), намѣтивъ, какъ и куда долженъ пойти Потебня въ своихъ изслѣдованіяхъ, и очертивъ характеръ и значеніе этого труда въ слѣдующихъ словахъ:

„Для уясненія строя даже этой доли языка (современно-литературнаго) наблюдатель-изслѣдователь долженъ раздвигать свой кругозоръ и въ ширь — въ область языка народнаго, и въ глубь — въ область языка временъ прошедшихъ, тамъ и тамъ при помощи языковъ иностранныхъ. Но разъ вошедши въ эти области, не можетъ уже онъ (если только не поневолѣ стѣснилъ кругъ своихъ наблюденій, или не могъ побѣдить пристрастія къ современному литературному языку, какъ къ единственному важному въ какомъ бы то ни было отношеніи) перемѣнить срединной точки своихъ наблюденій. Средину его кругозора, если не какъ ясно понимаемая дѣйствительность, то, по крайней мѣрѣ, какъ искомый образъ бывшаго и минувшаго займетъ тотъ древній языкъ, отъ котораго какъ вѣтви пошли всѣ мѣстныя нарѣчія и говоры, и который во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ перемѣнялся и самъ по себѣ и по дѣйствию разныхъ обстоятельствъ. Книжный, общественный языкъ имъ будетъ уваженъ, какъ главный проводникъ и хранитель образованности народа; но всетаки какъ одна изъ вѣтвей, даже какъ вѣтвь отъ вѣтви, только берущая соки не отъ одной вѣтви, а отъ разныхъ, отъ самаго корня языка“. При такомъ широкомъ взглядѣ на предметъ изслѣдованія, Потебня представилъ „цѣльно и критически всеобщія явленія грамматическаго строя языка вообще, примѣнительно къ строю языка русскаго. Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя русскаго языка у насъ еще не было“. Въ полномъ со-

¹⁾ Въ „Записк. Академіи Наукъ“ за 1876 г., т. 27, стр. 78—121.

гласіи съ важностью обсуждаемыхъ вопросовъ стоитъ и самый тонъ изслѣдованія. Нѣтъ здѣсь „ни суетливой поспѣшности въ пріисканіи исхода, ни позывовъ упорства стоять на своемъ, ни щеголянія новизной. Видимъ простой, покойнѣй трудъ ученаго, у котораго нѣтъ заднихъ мыслей и побужденій, кромѣ желанія узнать узнаваемое какъ можно вѣрнѣе“. Къ этому отзыву близко примыкаютъ всѣ послѣдующіе, все яснѣе и ярче опредѣляя достоинства замѣчательнаго изслѣдованія. Такъ Будиловичъ называетъ А. А. первымъ изъ занимавшихся вопросами русской и славянской филологіи, проникшимъ въ глубь синтактическихъ явленій. П. сдѣлалъ блистательную попытку „ближе опредѣлить разные типы предложенія, взаимное отношеніе и значеніе отдѣльныхъ его членовъ“; на развалинахъ разрушенной имъ системы логическаго синтаксиса, „основаннаго на ошибочномъ предположеніи о тождествѣ сужденій съ предложеніемъ, а умозаклученій съ періодомъ“, Потебня создалъ устои грамматическаго синтаксиса, „который отправляется отъ формъ даннаго языка и провѣряется данными историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія“ ¹⁾. Проф. Петушилъ отмѣчаетъ въ томъ же трудѣ А. А. еще одну высокой цѣнности черту — „удивительное умѣніе вносить въ сравнительную грамматику элементы философіи языка такимъ образомъ, что одна сторона дѣла гармонически дополняетъ другую, находясь съ ней въ самой тѣсной связи. Искусное сочетаніе историко сравнительнаго и философскаго направленія, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи языковѣдѣнія, придаетъ синтактическимъ изслѣдованіямъ проф. Потебни особый интересъ, хотя и требующій со стороны читателя серіознаго углубленія. Сочиненіе проф. Потебни останется поэтому всегда цѣннымъ, даже тогда, когда оно не будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ до сихъ поръ“. — „Знаменитая X-я глава «Введенія», этотъ

¹⁾ Въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“ за 1889 г., кн. III, стр. 207.

перлъ всего сочиненія и, быть можетъ, даже всей грамматической литературы . . . , трактующая о членахъ предложенія и частяхъ рѣчи, обладаетъ . . . такими достоинствами, не только теоретическими, но и практическими, которыя одну уже ее дѣлають настольной книгой, необходимою для всякаго преподавателя русскаго языка, относящагося серіозно къ своему предмету“¹⁾. — Остальные чисто-грамматическіе труды П. разобраны обстоятельно Б. М. Ляпуновымъ²⁾, который, подраздѣляя ихъ на фонетическіе, фонетико-діалектическіе, этимологическіе, семасіологическіе и синтактическіе, спѣшитъ однако оговориться, что всѣ они составляютъ цѣлое. „Всякую форму можно разсматривать съ этимологической и синтактической точки зрѣнія Это не двѣ части грамматики, а только двѣ различныхъ точки зрѣнія на языкъ. Синтактическая точка зрѣнія — описательная, этимологическая — историческая. Какъ вещественное, такъ формальное значеніе слова можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой стороны. Синтаксисъ разсматриваетъ употребленіе словъ въ данный моментъ языка и опредѣляетъ значеніе словъ изъ сочетанія ихъ съ другими; этимологія изыскиваетъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія“³⁾. — „Потебня былъ филологомъ стараго типа, изучавшимъ языкъ въ связи съ народной поэзіей, народными вѣрованіями и обрядами. Такой широтой, такимъ разнообразіемъ свѣдѣній, не обладаютъ современные ученые, которымъ приходится все больше и больше специализироваться. Несмотря, однако, на свою многосторонность, Потебня отличался замѣчательной глубиной; многосторонность не дѣлала его поверхностнымъ; въ этомъ сказывается его замѣчательное, изъ ряду вонъ выходя-

¹⁾ См. „Сборникъ—Памяти А. А. Потебни“, с. 23—5.

²⁾ „Памяти А. А. Потебни“ (отт. изъ журн. „Живая Старина“ за 1892 г., в. 1).

³⁾ Ляпуновъ, „Памяти А. А. Потебни“, с. 11.

щее дарованіе, такъ какъ глубина при многосторонности дается очень немногимъ“ ¹⁾).

Итакъ, тѣсная связь между отдѣльными грамматическими трудами Потебни теперь признана всѣми, кто вдумывался и вчитывался въ эти глубоко-философскія изслѣдованія. Что же касается трудовъ по народной словесности, въ которыхъ тѣ же приемы и тѣ же основныя мысли примѣнены къ другой почвѣ, выращиваются на другой нивѣ,—они оцѣнены еще мало и только въ недавнее время. Здѣсь дорога къ истинѣ заросла многими ползучими и цѣпкими растеніями, мѣшающими не только пройти по этой тропинкѣ, но даже и разглядѣть ея направленіе. Въ эту область до Потебни почти не пробовали идти съ орудіями чисто филологическими. Здѣсь замѣшалась мифологія, ложно понятая, здѣсь пышно разрослась теорія литературныхъ заимствованій, занявъ въ цвѣтнікѣ научныхъ методовъ при изслѣдованіи народной словесности царственное мѣсто и заглушивъ скромныя попытки иного рода. „А. А. не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой мифологической теоріи, представители которой у насъ Аванасевъ и Буслаевъ. Мнѣ пришлось слышать отъ А. А.-ча 3 года назадъ слѣдующія слова: «Слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую мифологію; сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія Грековъ и Индійцевъ была развитая религія. Странно было бы, если бы славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую мифологію; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ и другихъ или упоминаніе только вскользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ

¹⁾ Л. с., с. 4.

отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный. Вѣдь если бы не сохранилось „Слово о полку Игоревѣ“, пожалуй кто-нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у славянъ не было народной поэзіи“ ¹⁾. — Въ виду указанныхъ причинъ труды Потебни, посвященные изученію народной поэзіи и обрядовъ со стороны символики и остатковъ языческихъ вѣрованій, а также — изслѣдованію народныхъ пѣсенъ со стороны лексической ²⁾, — остаются донинѣ неоцѣненными по достоинству. Проф. Сумцовъ попытался выдѣлить изъ этой группы труды этнографическаго характера, и, остановившись на крупнѣйшемъ изъ нихъ („Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсен“), говоритъ: „Если бы П. ничего другого, кроме этихъ двухъ томовъ, не издалъ, то и этого труда, при самой строгой и придирчивой критикѣ, вполне достаточно, чтобы поставить Потебню первымъ научнымъ дѣятелемъ въ малорусской этнографіи“.

По мѣрѣ ознакомленія съ трудами Потебни становится съ одной стороны все яснѣе величіе этой духовной силы, съ другой—единство и цѣльность всего оставленнаго имъ наслѣдія. Съ изданіемъ въ свѣтъ трудовъ П., оставшихся въ рукописи, откроются предъ нами широкіе горизонты мысли; литературная критика и весь міръ искусства засіяютъ при свѣтѣ новыхъ глубокихъ данныхъ, раскрытыхъ при философскомъ изученіи языка; а самъ этотъ гигантъ мысли возстанетъ предъ нами во весь ростъ. Насъ окрыляетъ надежда, что въ недалекомъ будущемъ за эти идеи возьмутся публицисты, приправятъ ихъ своими толкованіями и разъясненіями; и потекутъ онѣ по всему образованному міру рукавами уже

¹⁾ *Ляпуновъ*, Л. с., с. 12.

²⁾ Эта сторона языка почти не тронута изслѣдователями, если не считать *Даля* („Толков. словарь“) и *Максимова* „Крыл. слова“.

довольно густой „мыслепроводной сѣти“ — по журналамъ и газетамъ, внося съ собою свѣтъ и ширь въ человѣческое міропониманіе, помогая исподволь отрѣшиться отъ суевѣрій, въ видѣ объективной неизмѣняющейся съ вѣками научной истины, внося новое пониманіе въ приемы критики и отношенія къ историческому прошлому и къ духовной жизни предковъ вообще. Въ основѣ — идеи Потебни теперь уже болѣе-менѣе извѣстны, благодаря неоднократному толкованію ихъ учеными, со спеціальными цѣлями, а также появившимся въ послѣднее время работамъ, направленнымъ къ обнародованію этихъ думъ великаго ума, таившихся въ тиши кабинета.

Такъ, проф. Овсянико-Куликовскій, по главнымъ печатнымъ трудамъ, возможно обстоятельно и доступно для широкой публики, изложилъ основные взгляды Потебни¹⁾, охарактеризовавъ его, какъ философа языковѣда. „Вся обширная дѣятельность П. не сходилась съ философской почвы и представляетъ собою строго-логическое проведеніе цѣльнаго философскаго взгляда на языкъ въ его отношеніяхъ къ мысли... Публика и не подозрѣвала, что авторъ «Къ исторіи звуковъ» и другихъ спеціальныхъ и неудобочитаемыхъ книгъ въ сущности и прежде всего философъ съ очень широкимъ основаніемъ идей, воспитавшій свой умъ, щедро одаренный отъ природы, глубокимъ изученіемъ Канта, Гербарда, В. Гумбольдта и др. и стоящій на высотѣ современной философской мысли вообще“. Въ переводѣ на ея языкъ результаты грамматическихъ изслѣдованій Потебни таковы: „Мысль человѣческая, нѣкогда представлявшая всѣ вещи и процессы

¹⁾ А. А. Потебня, какъ языковѣдъ и мыслитель“ (въ „Кіев. Стар.“ за 1893 г., VII, 30—46; VIII, 269—89; IX, 342—63).— Ср. Его же „Языкъ и искусство“. С. П. 1895 г. Ц. 20 к. (Изд. „Русск. библ.“ № 8).—Болѣе кратко, лишь для первоначальнаго ознакомленія и переправы къ трудамъ самого А. А. изложены взгляды П. въ брошюрѣ А. Ветухова „Языкъ, поэзія и искусство“. Х. 1894 г. ц. 25 к.).

какъ субстанціи, постепенно покидаетъ эту категорію и пріучается отливать полученные впечатлѣнія въ форму признака и энергіи. Эта эволюція мысли, открытая Потебней, есть сокровенная пружина той невидимой метаморфозы умовъ, которая явно, исторически документально обнаруживается въ смѣнѣ міросозерцаній, въ переходѣ напр. отъ пониманія болѣзни, гнѣва, любви, какъ вещей, существъ, находящихся въ человѣкѣ, къ ихъ пониманію какъ свойствъ и процессовъ, — отъ теорій, въ силу коихъ напр. огонь или число представлялись субстанціями (— Гераклитъ, Пифагоръ) къ новому взгляду какъ на процессъ (огонь) или отношеніе между вещами (число). Корни сознательнаго мышленія (миѳологическаго, метафорическаго, научнаго) глубоко лежатъ въ несознаваемыхъ процессахъ языка. Воззрѣнія, вѣрованія, теоріи суть какъ бы видимыя движенія на поверхности психи, въ сознаніи, — управляемыя незримыми движеніями, происходящими въ глубинѣ ея, въ сферѣ обыденнаго мышленія, создаваемого языкомъ и въ немъ воплощающагося. Такъ, современное состояніе языка, характеризующееся субстанціальностью существительнаго-подлежащаго и сосредоточеніемъ предикативности въ глаголѣ, образуетъ психологическое основаніе нашего современнаго теоретическаго мышленія, отмѣченнаго въ одно и то же время характеромъ метафизичности и научности. Новая метафизика, стремясь прозрѣть сущность вещей, скрытую за *явленіями*, представляетъ собою какъ бы сосредоточеніе умственныхъ усилій въ области субстанціальности, подготовленной развитіемъ языка. Научныя направленія нашего времени, не противорѣча въ принципѣ субстанціальности вещей, образуютъ только другой полюсъ тѣхъ же умственныхъ процессовъ, сосредоточиваясь въ сферѣ признаковъ, процессовъ энергіи («явленія»). Метафизикъ мыслить въ направленіи, исходная точка котораго есть въ языкѣ существительное-подлежащее; ученый неметафизикъ мыслить въ направленіи, исходная точка котораго въ мышленіи грамматическомъ есть глаголѣ-сказуемое.

Въ самой положительной наукѣ эти двѣ грамматическія категоріи лежатъ въ основѣ понятій причины и слѣдствія, матеріи и силы. Развитіе понятія *силы* насчетъ понятія матеріи, наблюдаемое въ современномъ научномъ мышленіи, имѣетъ свои психологическіе устои въ эволюціи новыхъ языковъ въ направленіи все большей глагольности предложенія. На тѣхъ же устояхъ зиждется и поворотъ въ мышленіи явленій психическихъ, начиная съ *языка*,— переходъ отъ идеи ихъ субстанціальности къ воззрѣнію на нихъ, какъ на процессы или силы“ ¹⁾.

Къ этому интересному изслѣдованію Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго и отсылаемъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы познакомиться въ общихъ чертахъ съ трудами покойнаго Потебни, выходящими далеко за предѣлы своего времени и потому трудно понимаемыми безъ предварительной подготовки къ чтенію ихъ. А для тѣхъ, кто будетъ увлеченъ, захваченъ волнами могучей мысли А. А., прилагаемъ списокъ его трудовъ, изслѣдованій, посвященныхъ оцѣнкѣ послѣднихъ, и статей, способствующихъ пониманію и востанію въ жизнь идей покойнаго.

Въ заключеніе выразимъ еще разъ горячее желаніе, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ число знакомыхъ съ этимъ многодумнымъ, многостороннимъ и глубокимъ мыслителемъ все возрастало. Кто только поборетъ первыя трудности на пути къ этому знакомству, тотъ, мы увѣрены, не скоро забудетъ великія истины, заповѣданныя А. А. Вѣдь для него умственные труды были дѣломъ жизни: онъ говорилъ только о томъ, что переживалъ, потому всякая статья его, всякая замѣтка носить на себѣ отраженіе его міросозерцанія — цѣльнаго, стройнаго и оптимистически-здороваго. Научное творчество Потебни было истиннымъ творчествомъ, съ его восторгами, сомнѣніями, терзаніями и муками. При знакомствѣ съ общимъ міропониманіемъ П. видишь въ каждомъ его произведеніи отвѣтъ на мучившій его вопросъ,— отвѣтъ интересный не

¹⁾ Овсяннико-Куликовскій, *Op. cit.*, IX, 358—9.

только какъ рѣшеніе вопроса, но и какъ путеводная нить, куда и какъ итти, рѣшая извѣстный вопросъ вообще. — Да, это поистинѣ была гениальная художественная натура, изъ которой на почвѣ поэтического творчества выросъ бы первоклассный художникъ, передъ которымъ проклонялась бы многотысячная толпа, но который, волею судьбы, попалъ въ другую, широкую, но пока еще подпочвенную, струю мысли, въ область науки самой чистой, самой высокой, обладающей всѣми прелестями своей старшей сестры — поэзіи, но надѣленной еще непонятыми, тающимися въ глубь ея красотами.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.) *Списокъ печатныхъ трудовъ А. А. Потебни, съ попутными указаніями главнѣйшихъ рецензій о нихъ и популярныхъ статей на тѣ же темы*¹⁾:

1) „О вѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“. Х. 1860 г.

2) „Мысль и языкъ“ (изъ Ж. М. Н. Пр., ч. СХІІІ—СХІV, отд. ІІ-й). С.-П. 1862 г. Второе изданіе (съ портретомъ Потебни и предисловіемъ М. С. Дринова). Х. 1892 г. Ц. 2 р. *)

3) Два отчета о научныхъ занятіяхъ Потебни за границей и 2 письма его изъ Берлина. (См. Ж. М. Н. П. 1862—3 гг.).

4) „О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ“. Ворон. 1864 г. (Изъ „Филологич. Записокъ“, 1864 г., т. ІІІ, в. 3-й, с. 137—69).

5) „О полногласіи“. Ворон. 1864 г. (Изъ Ф. Зап. 1864 г., т. ІІІ—V, с. 201—52).

1) При составленіи этого списка мы воспользовались прекрасной статьей Э. А. Вольтера „Библиографическіе матеріалы для біографіи А. А. Потебни“. С.-П. 1892 г., а также указаніями у проф. Сумцова и др.

*) Такимъ знакомъ будутъ отмѣчены труды Потебни, имѣющіеся въ продажѣ.

6) „Замѣтка на замѣтку Сняtkова «О Кикѣ»“. Вор. 1865 г. (Изъ Ф. З., в. 1-й, с. 92—4).

7) „О миѣическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. М. 1865 г. (Изъ „Чтеній Импер. Общ. Исторіи и Древн. Р. за 1865 г., кн. 2—4.—Разборъ этого изслѣдованія сдѣланъ П. Лавровскимъ въ томъ же изданіи за 1866 г., отд. V, кн. 2, с. 1—102).

8) „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. Съ приложеніемъ образцовъ менѣе извѣстныхъ малорусскихъ говоровъ“. (См. „Филолог. Зап.“ 1865 г., т. IV, в. 1—3-й).

9) „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. I О полногласіи. II О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“. Ворон. 1866 г. — Отзвыы см.: а) въ „Сборникѣ миѣнній Ученаго Комитета М. Н. П.“ С.-П. 1869 г., с. 58—9; б) у Явича „Die Umlauterscheinung bei den Vocalen *e, ê, ě* in den slav. Sprachen“ (Arch. f. Slav. Phil., т. V, с. 559—60, 568, 571, 575); в) у Е. Карскаго „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“. М. 1885 г., с. 156—60; г) у В. Качановскаго „Объ историческомъ изученіи русскаго языка“. Казань. 1887 г., с. 13; д) у М. Дикарева „Воронежск. Этнограф. Сборникъ“ за 1891 годъ, с. 2 и въ друг. мѣст.).

10) „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“. М. 1867 г. (Отт. изъ „Древности. Труды М. Арх. Общ.“, т. I, в. II, с. 153—96).

11) „Къ статьѣ г. Афанасьева «Для археологіи русскаго быта»“. М. 1867 г. (См. „Древности . . .“, т. I, в. 2-й, с. 227—42).

12) „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ“. М. 1867 г. (См. „Древности“ за май—іюнь, с. 97—106, іюль—августъ, с. 145—53).

13) „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“. (Отт. изъ „Древностей“ за 1868 г., XI—XII, с. 254—66).

14) „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій“. Вор. 1871 г. (См. „Филол. Зап.“ за 1870 годъ). — Въ VIII т. „Сбор-

ника Акад. Наукъ“, на с. XXI-й, находимъ объ этомъ изслѣдованіи такой отзывъ *Срезневскаго*: „Это изслѣдованіе представляетъ очень подробное разсмотрѣніе характеристикныхъ чертъ малорусскаго выговора и употребленія звуковъ, насколько возможно историческое, начиная съ XII—XIII в., и вмѣстѣ сравнительное. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ нашего времени“.

15) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.—I.—Введение“. Ворон. 1874 г. (См. „Филол. Зап.“ 1873 г., т. XII, вв. IV и VI).—II „Составные члены предложенья и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ“. Х. 1874 г. (См. „Записки Импер. Харьк. Университета“). Второе изданіе этого классическаго труда было еще при жизни автора. Х. 1888 г. Ц. 4 р. 50 к. * — Отзывовъ о немъ и статей, вызванныхъ имъ, очень много:

а) *Срезневскаго* — въ Ж. М. Н. Пр. за 1876 годъ, т. 184, № 3, с. 1—13) и въ „Запискахъ Акад. Наукъ“ за 1876 г., т. XXVII, с. 78—121;

б) *Явича*—въ „Arch. f. Sl. Phil.“ за 1876 г., т. II, с. 164—8;

в) *А. Попова* ¹⁾ „Синтаксическія изслѣдованія“... I. Вор. 1881 г. (с. 58, 85 и во мн. др. мѣстахъ);

г) *А. Дмитріевскаго*: 1) „Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ“. Вор. 1878 г. и 2) „Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго“. Вор. 1879 г.

д) *Преображенскаго*: „Краткій синтаксисъ русскаго языка“. М. 1881. (По ученію Потебни здѣсь изложены лишь общія понятія о подлежащемъ, сказуемомъ и управленіи словъ);

е) *Н. Баталина*: „Русскій синтаксисъ на основаніи изслѣдованій гг. Потебни, Миклошича и Гейзе — для средн.-уч. заведеній“. М. 1883 г. (Изъ однородныхъ это—

¹⁾ Въ концѣ этого сочиненія находимъ біографію г. Попова, одного изъ талантливыхъ, — къ сожалѣнію рано отошедшаго, — учениковъ Потебни, написанную любящимъ профессоромъ; переп. изъ „Русск. Филол. Вѣстн.“.

лучшій трудъ по степени усвоенія идей Потебни и доступности изложенія);

ж) *И. В. Нетушила*: „Этюды и матеріалы для научнаго изученія латинскаго синтаксиса. Т. II.— О падежахъ“. X. 1885 г., с. 85 и д.;

з) *А. Будиловича* — въ Ж. М. Н. Пр. за 1889 г., III, с. 206—10;

и) *В. Ламанскаго* — въ Ж. М. Н. Пр. за 1893 г., I, с. 62—8;

і) *В. Харцѣева*: „О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій“ (См. „Труды Педагогическаго Отдѣла Х. Ист.-Фил. Общества“ за 1894 годъ (в. 2-й);

й) *И. Стефановскаго*: „Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ на урокахъ русскаго языка въ ср.-учебн. заведеніяхъ“. (См. „Труды Пед. Отд.“, в. 2-й, с. 60—9);

к) *С. Новицкаго*: „Путь къ обновленію школьной грамматики“ (Л. с., с. 70—99);

л) *И. Стефановскаго*: „Къ вопросу о граммат. разб. на урок. русск. яз. въ ср.-уч. заведеніяхъ. II. Объ обстоятельныхъ словахъ“. (См. „Труды Пед. Отд.“, в. 3-й, с. 135—41. — X. 1896 г.);

м) *В. Яковлева*: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ А. А. Потебни“. (См. „Педагогическій Сборникъ...“ за 1896 г., т. III, с. 297—312, 361—75, 474—95).

16) „Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка“. (См. Ж. М. Н. П. за 1873 г., X и за 1877 г., III, IV и X).

17) „Орфографическая замѣтка“ (О слитномъ употребленіи отрицанія *не* съ глаголами). (См. Филол. Зап. за 1875 г., в. VI, с. 8—9. — Отзывъ редакціи по этому вопросу см. тамъ же, с. 9—10).

18) „Грамматическія замѣчанія по поводу сочиненій М. Колосова и Л. Гейтлера“. (См. Филол. Зап. за 1875 годъ, в. I, IV—VI).

19) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“. Ворон. 1876 г. (См. Филол. Зап. за 1876 г., в. I—III).

20) „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка. — Текстъ и примѣчанія“. Вор. 1877 г. (См. Филол. Зап. за 1877 г., в. II).

21) Рецензія на сочиненіе П. Житецкаго «Очеркъ звуков. ист. малор. нарѣчія». К. 1876 г. (См. Ж. М. Н. Пр. за 1877 г., XII, с. 834. — Болѣе подробный разбор этого сочиненія помѣщенъ Потебней въ „Зап. Акад. Наукъ“, т. 38, с. 764—839.

22) „Слово о полку Игоревѣ. — Текстъ и примѣчанія“. Ворон. 1878 г. (См. Фил. зап. за 1877—8 г.).

23) Изъ письма Потебни къ Ягичу относительно казачкой думы о Богданѣ Хмельницкомъ. (См. Arch. f. Sl. Phil., III, 219).

24) „Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus“. (См. Arch. f. Sl. Phil., т. III, с. 358—81, 594—614). Berlin 1878—9.

25) „Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwert der Slavischen Nasalvocale“ (въ Arch. f. Sl. Phil., т. III, с. 614—20). Berlin 1879 г.

26) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка. II. Этимологическія и другія замѣтки“. Варш. 1880 г. (Изъ „Русск. Фил. Вѣстника“ ¹⁾ за 1879 г.).

27) „Рецензія на сборникъ „Народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси“ Я. О. Головацкаго. С.-П. 1880 г. (См. „Записки Академіи Наукъ“, т. 37, прил. № 4а, с. 64—152).

28) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка. III. Этимологическія и другія замѣтки“. Варш. 1881 г. (См. „Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1880 г.).

29) Некрологъ проф. А. М. Колосова. (См. газеты „Южный Край“ за 1881 г., № 28, отъ 29 января).

30) Рефератъ, посвященный разбору мыслей Достоевскаго о „Народной правдѣ“ (въ «Дневникѣ писателя»),

¹⁾ Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1879 г., по инициативѣ и совѣту Потебни, его ученикомъ Колосовымъ.

прочит. въ засѣданіи Харьк. И.-Ф. Общества 11 февраля 1881 г. (Замѣтку объ этомъ рефератѣ см. въ „Харьк. Вѣдом.“ за 1881 г., № 41, отъ 13 февраля).

31) „К исторіи звуков русскаго языка. IV. Этимологическія и другія замѣтки“. Варш. 1883 г. (См. „Русск. Филол. Вѣст.“ за 1883 г.).

32) „Объясненія малорусских и сродных народных пѣсен“ ¹⁾. I. Варш. 1883 г. (См. „Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1883 г.). II. „Колядки и щедровки“. Варш. 1887 г. (См. Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1887 г.) *. Цѣна за 2 т. 7 руб. Отзывы и замѣтки объ этомъ трудѣ: а) *Неймана* въ Киевск. Стар. за 1884 г., т. IV. — б) *И. Франка* въ польс. журналѣ „Kwartalnik historyczny“ за 1888 г., с. 452—4. — в) *Э. Вольтера* въ Arch. f. Sl. Phil., т. VII, с. 629—39. — г) *Н. Сумцова* „Современная малорусская этнографія“. Киевъ 1893 г., с. 44—71. (Ср. Киевск. Стар. за 1892 г., кн. IV, с. 22 и сл.). — д) *Н. С.* „Научное изученіе колядокъ и щедровокъ“, с. 8, 18.

33) Сочиненія Г. О. Квитки-Основьяненка, изд. подъ ред. Потебни. Т. I—IV. — Харьковъ. 1887—90 гг. *

34) Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Потебни. (См. Киевск. Стар. за 1888 г., т. XXI, с. 184—208). *

35) „Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“. Ворон. 1888 г. (См. Филол. Зап. за 1888 г.). — Срв. у проф. Негушила „Этюды и матеріалы для научнаго синтаксиса латинскаго языка“. Т. III, в. 1, с. 39. X. 1889 г.

36) „Степови думы та спивы“ *Ив. Манджуры* подъ ред. Потебни. 1889 г.

37) „Малорусскіе домашніе лѣчебники XVII вѣка“.

¹⁾ Предисловіемъ къ этому изслѣдованію можетъ служить рецензія Потебни о Сборникѣ Головацкаго (см. № 27), с. 38—40, — о необходимости формальнаго основанія для дѣленія пѣсенъ.

(См. Киевск. Стар. 1890 г., т. 28). (Срв. — ib., т. 30, с. 155—9 — статью Степовича).

38) „Сказки, пословицы и т. п.“ запис. И. И. Манджурой, изд. подъ ред. Потебни. (См. „Сборникъ Х. И.-Ф. Общества“, т. II, 1890 г., с. 1—190).

39) „Этимологическія замѣтки“ (См. „Живая Старина“ за 1891 г. (в. III), с. 117—28).

40) „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, поговорка“. (Съ предисловіемъ В. И. Харціева). Х. 1894 г. * Ц. 1 р. 35 к. — Это — „небольшой частный курсъ“, изданный по запискамъ „одной изъ слушательницъ, съ небольшими поправками по черновымъ наброскамъ самого профессора“. (Изъ Предисловія, с. 1).

41) „Языкъ и народность“ (статья, возстановленная по черновымъ бумагамъ покойнаго профессора близкими къ нему лицами) — напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1895 г., кн. IX, с. 5—37.

42) Отзывъ о сочиненіи А. Соболевскаго «Очерки изъ исторіи русскаго языка. Ч. I. Киевъ 1884 г.» С.-Пб. 1896 г. (Отт. изъ „Извѣстій Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ т. I (1896 г.), кн. 4-я, с. 804—31. — Здѣсь среди мелкихъ частныхъ замѣчаній находимъ общія методологическія указанія и замѣтки философскаго характера: „Авторъ (—Соболевскій—), повидимому недопускаетъ спорадическихъ звуковыхъ явленій, условія возникновенія коихъ встрѣчаются не во всей массѣ словъ, а лишь въ тѣсной ихъ группѣ и поэтому познаются съ большимъ трудомъ. Разъ мы убѣдимся въ возможности существованія такихъ условій, мы остережемся заключать отъ неизвѣстности къ ихъ отсутствію“ (с. 20-я). — „Въ языкахъ, какъ и другихъ областяхъ жизни считаю дѣйствительными явленія столь индивидуальныя, что всей совокупности ихъ условій нельзя найти нигдѣ, кромѣ ихъ самихъ“ (с. 21-я). — „Законность въ природѣ есть постоянный образъ явленій при опредѣленныхъ условіяхъ, такъ что при измѣненіи условій измѣняется и образъ явленій.

Познаніе законности есть стремленіе къ возможному для насъ познанію полноты условій“ (с. 5-я).

*Б.) Списокъ трудовъ Потебни, остающихся не-
напечатанными ¹⁾:*

1) „Первые годы войны Хмельницкаго“ (кандидатское сочиненіе, написанное въ 1856 году).

2) Отвѣтъ П. Лавровскому на его разборъ диссертаціи «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ».

3) Отзывъ о литовско-русскомъ словарѣ братьевъ Юшкевичей.

4) Публичная лекція «О значеніи Квитки-Основьяненка, южнорусскаго писателя“, прочитанная 18 ноября 1878 г. (Замѣтку о ней см. въ „Харьк. Вѣдом.“ за тотъ же годъ отъ 19 ноября).

5) „Некрологъ П. А. Лавровскаго“. (См. „Протоколы засѣданій Х. И.-Ф. Общества“ за 1885 г.).

6) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ. III. Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго“. [Первообразна ли отвлеченность существительныхъ качества. Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ существительныхъ. Грамматическій родъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго; вытѣсненіе существительнаго объективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціальности предикативнаго имени посредствомъ субъективныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъектныхъ выраженій.— Формальные (синтактическіе) признаки кон-

¹⁾ Особую статью (В. Харціева, „Посмертные матеріалы А. А. Потебни“, посвященную этому вопросу, см. въ „Сборникъ Х. И.-Ф. Общества“ за 1892 г., с. 75—87.

кретности существительнаго: тождесловіе и сочетаніе синонимовъ].

7) Матеріалы и замѣтки по теоріи словесности. [Параллель между словомъ и сложнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Опредѣленіе поэзіи. Значеніе поэтическаго произведенія для автора и для публики. О видахъ поэтической иносказательности. Поэзія и проза, какъ два вида мышленія. Народная поэзія. — Замѣтки о сравнительной мѣологіи. — Теорія мѣа въ его отношеніи къ поэзіи. Мѣическое воззрѣніе на вдохновеніе. Приемы мѣическаго мышленія при анализѣ понятій причинности. — Опредѣленіе мѣа. Разграниченіе поэтическаго и мѣическаго мышленія. Анализъ мѣа есть исторія мѣическаго міросозерцанія. — Объ эвфемизмѣ. — О формахъ поэтической иносказательности. Тропы и фигуры.].

8) Матеріалы для малорусскаго словаря и вообще этимологическаго словаря русскаго языка.

9) Переводъ нѣкоторыхъ пѣсенъ Одиссеи на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника.

Объ остальныхъ, оставшихся въ рукописи, трудахъ покойнаго профессора находимъ у Харціева слѣдующую замѣтку: „Въ 7 папкахъ находятся тѣ матеріалы изъ области русскаго языковѣданія, которые покойный не спѣшилъ обнародовать. Въ первой изъ нихъ находится склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, замѣтки по изслѣдованію о членѣ въ русскомъ и прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и объ именныхъ суффиксахъ. Категоріямъ родительнаго падежа, мѣстоименію, частицамъ, союзу (объ излишествахъ союзовъ), превращенію мѣстоименія въ союзъ и нарѣчіе, предлогу — посвящены замѣтки во 2-й папкѣ. Третья заключаетъ въ себѣ матеріалы объ удареніи въ именахъ — по склоненіямъ, въ глаголахъ — по разрядамъ и формамъ, о вліяніи предлоговъ на удареніе и пр. Отдѣлъ объ удареніяхъ находится въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ другіе. — Въ 4-хъ папкахъ собраны матеріалы о глаголѣ, которые должны были, по видимому, лечь въ основу 4-й части записокъ по грам-

матеріалъ, какъ и первыя три ¹⁾. — Двѣ папки посвящены народной поэзіи, народно-поэтическимъ и мѣстическимъ образамъ. — Еще одна папка заключаетъ въ себѣ слѣдующіе интересные наброски: „Объ изученіи иностранныхъ языковъ“ (по поводу Тютчева), съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности; „О задачахъ языкознанія, о важномъ значеніи русскаго языка“ — конспектъ вступительной лекціи 1881—2 гг.; „Языкъ и задачи языкознанія“ — болѣе новыя замѣтки; „Объ искусственномъ языкѣ“ — по поводу статьи Макса Мюллера въ *Deutsche Rundschau*; „О націонализмѣ“ — по поводу статьи Рюдигера въ *Zeits. f. Volksps.*; „Замѣтки о томъ же“ — по поводу книги Данилевскаго «Россія и Европа»; „Объ Одоевскомъ“ — конспектъ реферата; „О Дневникѣ писателя“ — тоже; „О литературномъ письменномъ общерусскомъ языкѣ“; „О заповѣди «чти отца твоего» въ примѣненіи къ дѣятелямъ слова“ ²⁾. Кромѣ того, среди остальныхъ многочисленныхъ бумагъ покойнаго — конспектовъ лекцій, черновыхъ набросковъ, обрывковъ „научнаго дневника“ съ замѣтками и выписками изъ читанныхъ книгъ, замѣчаній по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ и пр., — находимъ замѣтки и общаго характера, напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и друг. — Весь этотъ громадный и интересный матеріалъ ждетъ издателя съ надлежащей подготовкой, готоваго отдаться этому дѣлу съ любовью, полнымъ вниманіемъ и глубокимъ уваженіемъ къ покойному профессору и его великому наслѣдію.

¹⁾ „Посмертные матеріалы А. А. Потебни“ (въ „Сборникѣ Х. И.-Ф. Общ.“ за 1892 г.), с. 85.

²⁾ Харцѣвъ, I. с., с. 86.

В.) Обзоръ статей, посвященныхъ памяти А. А. Потебни, разбору и оцѣнкѣ его научной дѣятельности:

1) „Памяти А. А. Потебни“. Сборникъ, изданный Х. И.-Ф. Обществомъ. Харьковъ. 1892 г. [Съ портретомъ Потебни. Цѣна 1 руб. ¹⁾. (Отт. изъ „Сборника Ф. И.-Ф. Общества“ за 1892 г., т. 4), с. 1—90]:

Изъ протоколовъ засѣданій И.-Ф. Общества 29 ноября 1891 г. и 12 марта 1892 г. — Похороны. Рѣчи при погребеніи. Телеграммы. — Статьи *Н. Θ. Сумцова* [а) въ Харьк. Вѣдом. за 1892 годъ, № 310 и б) въ *Cesky lid*, 1892 г., III, 314]. — Статья *М. Е. Халанскаго* (изъ Рус. Филол. Вѣстн. за 1891 г., IV, с. 257—60). — Статья *А. Горнфельда* (изъ Харьк. Вѣд., 1891 г., № 335). — Ст. *Д. И. Багалля* (изъ Харьк. Вѣд. 1892 г., № 54). — Ст. *И. В. Нетушила* — 1889 г. — Ст. *Б. М. Ляпунова* (изъ Жив. Стар. за 1891 г., в. 1). — Ст. *В. И. Ламанскаго* (изъ Ж. М. Н. П. за 1892 г., № 1, с. 55—72). — Ст. *А. С. Будиловича* (изъ Славянск. Обзор. за 1892 г., I). — Ст. *И. В. Янча* (изъ *Arch. f. Sl. Phil.*, XIV, 3, 480. — Забѣтка о сочиненіи А. А. Потебни «Мысль и языкъ»). — Статьи *Л. Ю. Шепелевича* [а) изъ ж. *Wisła*, 1892 г., № I, с. 260 и б) изъ газ. Новоросс. Телеграфъ, 1892 г., № 5301]. — Некрологи Потебни [а) изъ газ. Зори, 1892 г., № 2 и б) изъ *Revue de tradit. populaires*, 1892 г., I, 59—60. — *В. И. Харуѣева* „Посмертные матеріалы А. А. Потебни“. — *Н. Θ. Сумцова* „Списокъ печатныхъ сочиненій А. А. Потебни и отзывы о нихъ“.

2) *Ф. Толль* „Необходимое дополнительное приложеніе къ Настольному Словарю“. (Краткая забѣтка „Александръ Потебня“). С.-П. 1866 г., с. 403 (1219).

3) *И. И. Срезневскій* а) „Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи“, чит. въ засѣд. Импер. Акад. На-

¹⁾ Рецензіи на этотъ сборникъ см. 1) въ „Книжн. Вѣстн.“ за 1892 г., VIII, 330 и 2) въ „Вѣстн. Европы“ за 1892 г., IX, 397—402.

уѣ 29 дек. 1875 г.; б) „Записка о трудахъ проф. А. А. Потебни, представл. во 2-е Отдѣл. Акад. Наукъ“ (См. Записки Импер. Ак. Наукъ, т. 27, кн. I, 1876 г., с. 93—121; Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. 18, с. 74—117, — отд. отт. С.-П. 1878 г.; Журн. М. Н. Пр., 1876 г., ч. 184, отд. Современная Лѣтопись, с. 1—13).

4) А. Котляревскій „Древняя русская письменность. Опытъ библиологическаго изложенія исторіи ея изученія“. Ворон. 1881 г., § 65, с. 168—70 („Исслѣдованія по исторіи русскаго языка А. А. Потебни“).

5) А. А. Кочубинскій „Итоги славянской и русской филологіи“... Одесса 1882 г., с. 22—4, 174 и др.

6) Н. С. (умиловъ) „По поводу 30-лѣтія служебной дѣятельности проф. А. А. Потебни“. (См. Кіевск. Стар., 1887 г., VI—VII, с. 567—72).

7) В. И. Ламанскій „Отзывъ объ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ проф. А. А. Потебни“. (См. „Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общества за 1890 годъ“. С.-П. 1891 г., с. 19—27).

8) В. Д. Спасовичъ и А. Н. Пытинъ „Исторія славянскихъ литературъ“. Т. I—II. Изд. 2-е. 1879—81 гг., с. 20, 308, 311, 351, 390, 993 и друг.

9) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ „Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ“ за 1891 г., с. 129—34.

10) М. Е. Халанскій Некрологъ и краткая біографія Потебни въ Харьк. Вѣд. за 1891 г. 1 дек. (переп. въ Жив. Стар. за 1892 г., в. I, с. 150).

11) (Черняевъ) „Некрологъ и краткая біографія Потебни“ въ Южн. Краѣ за 1891 г., въ декабрѣ.

12) П. . . . въ газ. Русскія Вѣдомости 1891 г., 3 декабря.

13) Д. (Языковъ) въ газ. Московскія Вѣдомости, 1891 г., 1 декабря.

14) Н. Θ. Сумиловъ а) „Некрологъ А. А. Потебни“ въ Этногр. Обзорѣніи за 1892 г., I, с. 179—81; б) „Со-

временная малорусская этнографія“ (см. Кіевская Стари-на за 1892 годъ (кн. 1—5), т. 36, с. 1—10, 206—25, 409—23; т. 37, с. 22—36, 176—92.

15) *Н.* Некрологъ А. А. Потебни въ Филол. Зап. за 1892 г., в. I, с. 1—7.

16) *Николай Бакай* „Памяти проф. А. А. Потебни“ (См. газ. Сибирскій Вѣстникъ за 1892 г., № 7, с. 2).

17) *В. И. Харцѣевъ* „Воспоминанія объ А. А. Потебнѣ“ (См. Славянск. Обзор. 1892 г., т. II, с. 120—36, 264—76, №№ 5—8).

18) *Е. W.* Краткое извѣстіе о смерти А. Потебни и обзоръ его работъ по славяно-литовской грамматикѣ и этнографіи—см. въ латышской газетѣ «Deenas Lāra» за 1892 г., № 46.

19) *П. В. Владиміровъ* — Обширное сообщеніе о дѣятельности Потебни, прочитанное въ засѣданіи Кіевскаго Историческаго Общества Нестора Лѣтописца 3 февраля 1892 г. ¹⁾.

Кромѣ того мелкія замѣтки помѣщены были въ газетахъ: Новомъ Времени, Недѣлѣ, Волинскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, Варшавскомъ Дневникѣ и др.

¹⁾ См. Замѣтку объ этомъ въ „Сборникѣ Х. И.-ф. Общ.“ т. 4, с. 74.

Того же автора:

- 1) „Народныя колыбельныя пѣсни“. М. 1892 г. Ц. 75 к.
- 2) „Янъ Амосъ Коменскій“. Харьк. 1893 г. Ц. 10 к.
- 3) „Говоры слободъ Бахмутовки и Новой-Айдари Старобѣльск. у. Харьк. губ.“ (южно-влкрс.). Варш. 1893 г. Ц. 20 к.
- 4) „Говоръ слободы Алексѣевки Староб. у. Харьк. губ.“ (млрс.). Варш. 1895 г. Ц. 10 к.
- 5) „Д. В. Аверкіевъ «О драмѣ»“. Харьк. 1894 г. Ц. 10 к.
- 6) „Языкъ, поэзія и наука“. Харьк. 1894 г. Ц. 25 к.
- 7) „Основные вопросы литературной критики“. Харьк. 1896 г. Ц. 20 к.
- 8) „Какъ возвращаютъ глухонѣмымъ даръ рѣчи и слухъ“. Харьк. 1897 г. Ц. 10 к.
- 9) „А. А. Потебня“. Варшава. 1898 г. Ц. 50 к.

Получать можно отъ автора (Харьковъ, Морозиневскій пер., № 25-й), а №№ 6—9 и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.
